

И. А. КРЫЛОВЪ.

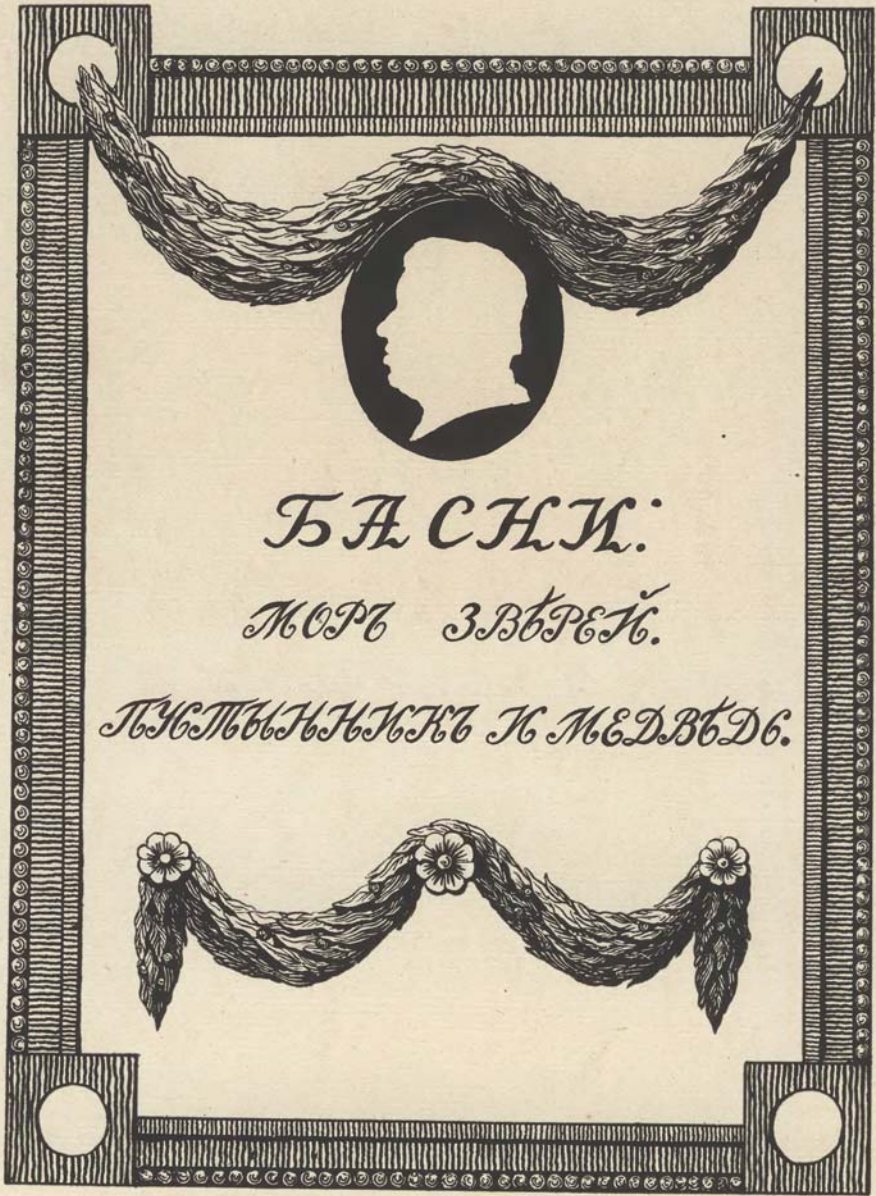
ДВѢ БАСНИ

съ рис. В. Тиморева

2.

МОСКВА

ИЗД. И. Н. КНЕБЕЛЬ.

Б А С И Л :

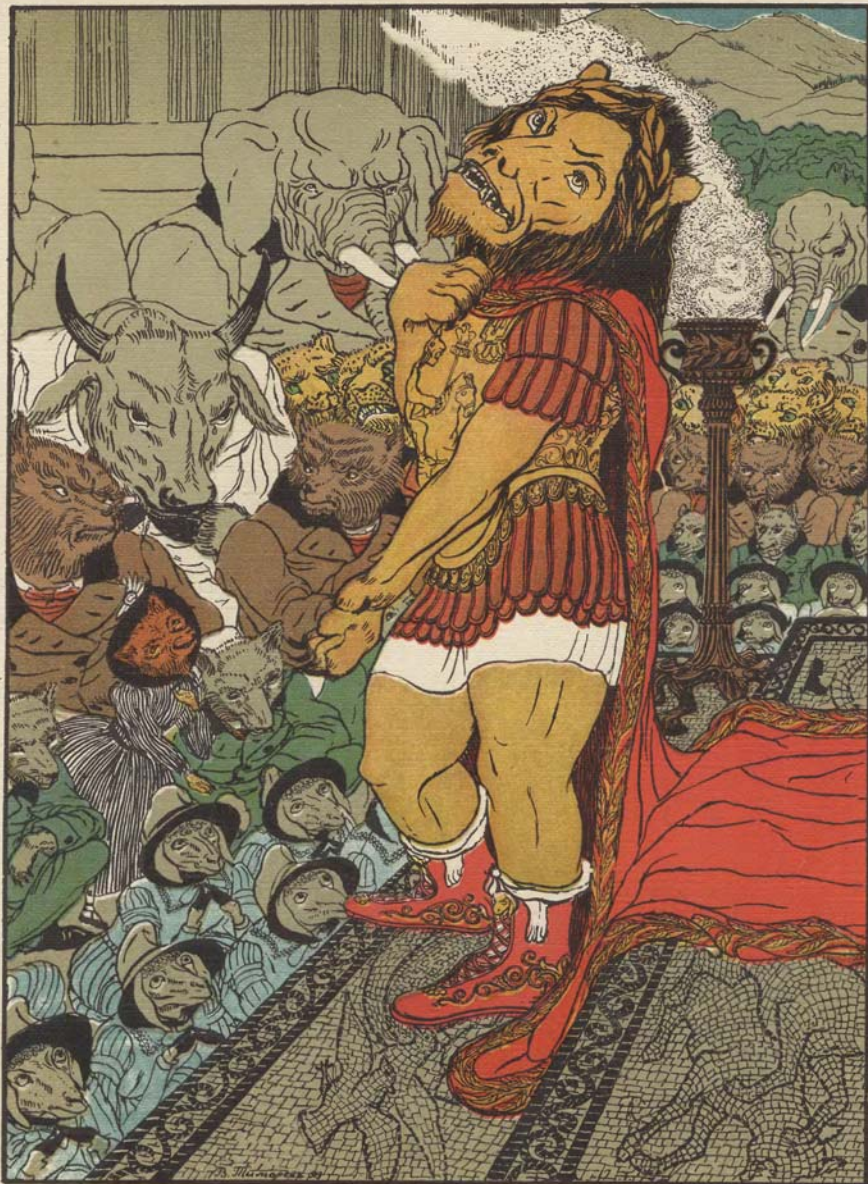
М О Р Е З Б Ъ Р Е Н Ъ .

П У К Т О В Ъ Н Ъ К Р Ъ К М Е Д Б Ъ Д Ъ .

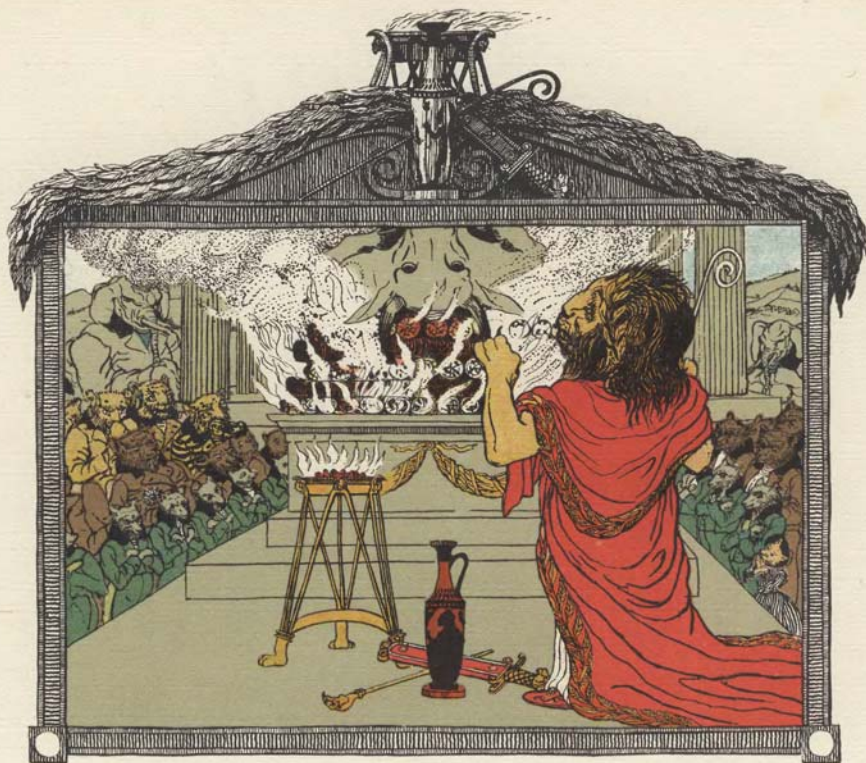
МОРЪ ЗВЪРЬИ.

Лютѣйшій бичъ небесъ, природы ужасъ—моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настезь двери:
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горы;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
Неумолимая, какъ сѣно косить ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Смерть видя на носу, чуть бродятъ полумертвы;
Перевернуть совсѣмъ ихъ страхъ;
Тѣ-жъ звѣри, да не тѣ, въ великихъ столь бѣдахъ:
Не давить волкъ овецъ, и смиренъ какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ, лиса постится въ подземельѣ.
Имъ и ѣда на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубъ врозь живетъ;
Люби въ поминѣ больше нѣтъ:

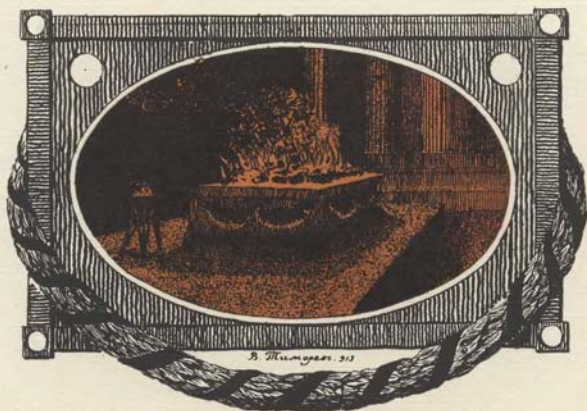
А безъ любви, какое ужъ веселье?
Въ семь горѣ на совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ.
Тащатся шагъ-за-шагомъ, чуть держатся въ нихъ души,
Сбредили, и въ тишинѣ, царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза, и приложили уши.
„О други!“ началъ Левъ: „по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновень болѣ,
Пускай по доброй волѣ,
Отдастъ себя на жертву имъ!
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры?
И такъ, смиря свой духъ,
Пусть исповѣдуетъ здѣсь всякій вслухъ,
Въ чемъ погрѣшили онъ вольно иль неволью,
Покаемся, мои друзья!

Охъ, признаюсь—хоть это мнѣ и больно—
Неправъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ—за что? совсѣмъ безвинно
Дираль безчинно;
А иногда—кто безъ грѣха?—
Случалось драль и пастуха;
И въ жертву предаюсь охотно;
Но лучше-бъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечестъ
Свои грѣхи: на комъ ихъ болѣе есть,
Того-бы въ жертву и принестъ,
И было-бы богамъ то болѣе угодно:
—„О царь нашъ, добрый царь! Отъ лишней доброты“
Лисица говоритъ, „въ грѣхъ это ставишь—ты.
Коль робкой совѣсти во всемъ мы станемъ слушать,
То придетъ съ голоду пропасть намъ наконецъ;
Притомъ-же, нашъ отецъ,
Повѣрь, что это честь большая для овецъ,
Когда ты ихъ изволишь кушать.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ:
Ихъ чаще такъ учить—имъ это по дѣломъ.
Безхвостый этотъ родъ лишь глупой спѣсью дышетъ
И нашими себя вездѣ царями пишетъ.“
Окончила лиса; за ней на тотъ-же ладъ

Лыстецы Льву то-же говорятъ,
 И всякій доказать спѣшить на перехватъ,
 Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья.
 За львомъ медвѣдь, и тигръ, и волки въ свой чередъ,
 Во весь народъ
 Повѣдали свои смиренно погрѣшенья;
 Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
 Никто и шевелить не смѣлъ;
 И всѣ кто были тутъ богаты
 Иль когтемъ, иль зубкомъ, тѣ вышли вонъ
 Со всѣхъ сторонъ
 Не только правы, чуть не святы.
 Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мычить: „и мы
 Грѣшны. Тому дѣтъ пять, когда зимой кормы
 Намъ были худы,
 На грѣхъ меня лукавый натолкнулъ:
 Ни отъ кого себѣ найти не могли ссуды,
 Изъ стога у попа я клокъ сѣнца стянулъ!“
 При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
 Кричатъ медвѣди, тигры, волки:
 „Смотри злодѣй какой!
 Чужое сѣно ѣсть! Ну, диво-ли, что боги
 За беззаконіе его къ намъ столько строги!
 Его, безчинника съ рогатой головой,
 Его принести богамъ за всѣ его проказы,
 Что-бъ и тѣла намъ спасти и нравы отъ заразы!
 Такъ по его грѣхамъ у насъ и моръ такой!“
 Приговорили—
 И на костеръ быка взвалили.

И въ людяхъ такъ-же говорятъ:
 Кто помирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

ПУСТЫННИКЪ И МѢДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто, человекъ безродный, одинокій
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную, какъ сладко не пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій.
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: „а лужокъ, а темная дубрава,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?“
— „Прекрасны, что и говорить!
А все прискутится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.

Идегъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свестъ.
Въ лѣсу кого набрестъ,
Кромѣ волковъ или медвѣдей?
И точно встрѣтился съ большимъ медвѣдемъ онъ:
Но дѣлать нечего: снимаетъ шляпу,
И милому сосѣдушкѣ—поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,
Потомъ не могутъ ужъ разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ, и что бывало разговоры
Иль присказокъ иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору:
Пустынникъ былъ неговорливъ,

Мишукъ съ природы молчаливъ,
 Такъ изъ избы не вынесено сору.
 Но какъ-бы ни было, пустынный очень радъ,
 Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
 Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишеньки тошнится,
 И Мишенькой не можетъ нахвалиться.
 Однажды вздумалось друзьямъ
 Въ день жаркій побродить по рошамъ, по лугамъ,
 И по доламъ и по горамъ;
 А такъ какъ человекъ медвѣдя послабѣе,
 То и пустынный нашъ скорѣе,
 Чѣмъ Мишенька, усталъ
 И отставать отъ друга сталъ.
 То видя, говоритъ, какъ путный, Мишка другу:
 „Прилягъ-ка, братъ, и отдохни,
 Да коли хочешь, такъ сосни,
 А я постерегу тебя здѣсь у досугу!“
 Пустынный былъ сговорчивъ: легъ, зѣвнулъ
 Да тотчасъ и заснулъ.
 А Мишка на часахъ: да онъ и не безъ дѣла:
 У друга на носъ муха сѣла—
 Онъ друга обмахнулъ;
 Взглянулъ,
 А муха на щекъ, согналъ, а муха снова
 У друга на носу,
 И не отвязчивѣй часъ отъ часу.
 Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
 Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
 Присѣлъ на корточки—не переводить духу,
 Самъ думаетъ: „молчи-жъ, ужъ я тебя воструху!“
 И, у друга на лбу подкарауливъ муху,
 Что силы есть—хватъ друга камнемъ въ лобъ!
 Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ врозь раздался
 И Мишинъ другъ лежать на долго тамъ остался.

